

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРУКТУРЫ КОННОТАЦИЙ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. А. Ратько,
аспирант кафедры общего и русского языкознания БГПУ

Проблема изучения явления коннотации представляется актуальной на любом этапе развития языка. Вопрос о её структуре также остаётся не до конца изученным ввиду того, что явление коннотации неоднозначно и рассматривается с разных точек зрения.

Наиболее распространённым является описание структуры коннотации, предложенное И.В. Арнольд. Она выделяла четыре основных компонента коннотации: 1) эмоциональный, 2) экспрессивный, 3) оценочный, 4) функционально-стилистический. Как и разновидности коннотаций, эти структурные компоненты часто сопутствуют друг другу и смешиваются в речи. Кроме того, их часто считают синонимичными, однако наличие одного компонента не предполагает наличие другого, они могут варьироваться в различных комбинациях, поэтому следует их различать. В слове присутствует эмоциональный компонент коннотации, если оно обозначает ту или иную эмоцию или чувство, причём зачастую с целью не только их выразить, но и передать реципиенту. Экспрессивный компонент коннотации усиливает, подчёркивает то, что слово называет; экспрессивность может быть образная (основанная на метафорическом переносе) и увеличительная (усиливает значение слова; такие слова получили название интенсификаторов [4, с. 162]). Оценочный компонент значения предполагает, что слово выражает положительное или отрицательное суждение об обозначаемом понятии, то есть одобрение или неодобрение. И, наконец, в слове есть стилистический компонент коннотации, если это слово ассоциируется с определёнными сферами речи, даже в том случае, если оно используется в неуместной для него сфере [2].

Коннотации не только позволяют более ёмко высказать свою точку зрения, передать восприятие действительности, но и выразить собственное отношение к описываемым событиям и даже передать своё психологическое состояние. Проблема проявления и восприятия эмоций изучается и психологией, и лингвистикой. Если психология занимается непосредственно эмоциями как психической составляющей человеческой жизни, то лингвистика в большей степени изучает их вербальное проявление, а также описание. В связи с этим немаловажно рассмотреть такие понятия, как «эмотивность», «эмоциональность», «экспрессивность». Эти термины в

обыденной речи зачастую употребляются как синонимы. Так, например, у Р. Якобсона находим высказывание о том, что «экспрессивная» или «эмотивная» функция (*emotive function*) имеет целью выражение отношения говорящего к высказыванию [21, с. 350].

Однако большинство лингвистов разграничивает понятие эмотивности, эмоциональности и экспрессивности. Так, например, известный современный исследователь В.И. Шаховский утверждает, что эмоциональность, в отличие от эмотивности, – характеристика, присущая самому слову, его семантике; слово либо именуется эмоцией, либо включает эмоциональный компонент в свое лексическое значение. Эмотивность означает одну из трех базовых характеристик языка (когнитивность, коммуникативность, эмотивность) и может пониматься как «лингвистический аспект категории эмоциональности», т.е. «лингвистическое выражение эмоций» [19, с. 6–11].

В.А. Маслова определяет эмоциональность как «психологическую характеристику личности, состояние и уровень развития ее эмоциональной сферы, а эмотивность – как лингвистическую характеристику слова, предложения, способную произвести эмотивный эффект, т.е. вызвать у языковой личности реципиента сообщения соответствующие эмоции» [12, с. 185].

Таким образом, можно отметить, что термины «эмоциональность» и «эмотивность» близки по значению, однако различны по сфере употребления: термин «эмоциональность» чаще используется в психологии, а эмотивность относится к лингвистическим категориям и предполагает наличие в том или ином языке средств, выражающих эмоции. Как пишет В. И. Шаховский, коннотативное значение, вероятно, в основном зависит от экстралингвистических факторов больше, чем от лингвистических, поэтому название компонента коннотации эмоциональным, а не эмотивным, вполне обоснованно [18].

Как отмечает С. В. Ионова, основу плана содержания эмотивности составляет субъективная оценочность, являющаяся источником проявления эмоционального состояния/отношения говорящего; план выражения представлен категорией экспрессивности, главная функция которой состоит в способности повышать воздействующую, прагматическую силу языковой единицы, обеспечивая ее эмотивность [9].

В.А. Аврорин считает, что экспрессивная функция связана с выражением мысли, при этом он разделяет функции языка и функции речи. Экспрессивная функция языка выделяется им наряду с коммуникативной, конструктивной (функцией формирования мысли) и аккумулятивной (функцией накопления общественного опыта и знаний). Эмотивную же

функцию, точнее, эмотивно-волюнтативную, В.А. Аврорин считает функцией речи, вводя ее в ряд таких речевых функций, как сигнальная, номинативная, поэтическая, этническая и магическая [1]. Как известно, соотношение языка и речи подтверждает философский тезис о единстве и борьбе противоположностей: речь конкретна, язык абстрактен; речь бесконечна, система языка конечна; речь динамична, языковая система статична; речь произвольна, контекстно обусловлена, язык же независим от ситуации общения [11, с. 414]. При этом наблюдается тесная связь языка и речи. Л.В. Щерба признавал язык и речь единым целым, «так как очевидно, что языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности, и так как не менее очевидно, что языковой материал вне процесса понимания будет мертвым, само же понимание вне организованного языкового материала (то есть языковой системы) невозможно» [19, с. 26]. Однако очень важно не допускать смешения языка и речи. Особое внимание Л.В. Щерба уделял различению речевой деятельности, языковой системы и языкового материала. При этом на первом месте стоит речевая деятельность, то есть процессы говорения и понимания; она возможна благодаря наличию второго аспекта – языковой системы, то есть словаря и грамматики [19, с. 26]. В составе языковой системы и речевой деятельности присутствуют одни и те же элементы, однако «речевая деятельность является индивидуальным проявлением языковой системы. В идеале она может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-то да отличаться от нее и друг от друга» [19, с. 27].

Таким образом, можно отметить, что экспрессивная функция свойственна языковой системе, а эмотивная – речевой деятельности. И.В. Арнольд определяет экспрессивность как «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [3]. Можно сказать, что экспрессивность может приобрести любая языковая единица, но только в определенной речевой ситуации, то есть в контексте. Как подчёркивает Е.А. Рожнова, экспрессивность большинства слов зависит именно от контекста, в котором они употребляются. В конкретном контексте слово может приобрести определённое эмоциональное звучание, а может и, наоборот, потерять его благодаря контексту [13].

Как отмечает Т.А. Сысоева, существует тонкая грань между понятиями «эмотивность» и «экспрессивность»: «Эмотивность “работает” на общую

экспрессивность текста, усиливая его выразительность и, как следствие, его воздействие на реципиента, поэтому эмотивные средства языка всегда экспрессивны. В свою очередь, экспрессивность как более широкое понятие включает целую гамму различных смысловых оттенков, в том числе оттенки смысловой окрашенности. Если эмотивные элементы служат только для выражения чувств, то экспрессивные – для усиления выразительности как при выражении эмоций, так и при выражении мысли» [60, с. 28]. В большинстве случаев, однако, эмотивность и экспрессивность одновременно присутствуют у языкового средства, поэтому чёткой границы между ними не проводится [14, с. 28].

Как видим, эмотивность и экспрессивность часто тесно связаны с оценочностью. Оценка выражает отношение говорящего к объекту описания. В широком смысле оценка определяется по оппозиции «хорошо / плохо», хотя в частных случаях она может даваться по самым разным признакам: «важность / неважность», «правда / ложь», «рациональность / нерациональность» и т.д. Категория оценочности в основном базируется на эмоциональном восприятии, однако помимо этого существует и интеллектуальная оценка, которая, в отличие от первой, выражает не чувства говорящего, а его мнение. Но так как любая эмоция, выраженная в естественном языке, имеет рациональную основу, разграничение этих двух типов оценки условно [6].

Эти два типа входят в классификацию частнооценочных значений, предложенную Н.Д. Арутюновой. Она делит все значения на три группы: 1) сенсорные оценки, куда входят гедонистические, или сенсорно-вкусовые, оценки (*приятный, вкусный, привлекательный*), психологические – вышеупомянутые эмоциональные (*радостный, желанный, приятный*) и интеллектуальные (*интересный, увлекательный, банальный*); 2) сублимированные, или абсолютные, оценки: эстетические, основанные на синтезе сенсорных и психологических (*красивый, прекрасный*), и этические, связанные с нормами (*добрый, порочный*); 3) рационалистические оценки, возникающие в результате практической деятельности человека: утилитарные (*полезный, вредный*), нормативные (*правильный, нормальный, здоровый*) и телеологические (*эффективный, неудачный*) [5].

Е.М. Вольф указывает, что любая оценка – это результат прямого или скрытого сравнения. В соответствии с этим оценки можно разделить на абсолютные и сравнительные. Абсолютная оценка содержит в себе имплицитное сравнение, основанное на социальных стереотипах или собственном опыте: «Он хороший спортсмен». Сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом: «Этот спортсмен

лучше, чем тот». Так, оценка «неотделима от сравнения»: мы не можем оценить объект сам по себе, если нет возможности сравнить его с другими объектами из того же класса [8, с. 15-16].

Оценка может быть как объективной, основанной на очевидных признаках оцениваемого объекта, так и субъективной, выражающей личное мнение оценивающего. Однако, как считает Е.М. Вольф, субъективный фактор всегда присутствует в любой оценке [8, с. 22]. Каждый человек имеет собственное восприятие окружающего мира, которое может отличаться от восприятия большинства, и каждый человек смотрит на ситуацию по-своему: то, что кажется хорошим одному, может показаться плохим другому. А так как оценочность является одним из главных компонентов структуры коннотации, то неудивительно, что и коннотации в большинстве своём носят субъективный характер.

Стилистический компонент коннотации часто выделяется в качестве отдельного компонента. В этом случае его интерпретируют как типичный для определённого функционального стиля или сферы речи, даже если слово употребляется в нетипичном для него контексте [4, с. 161]. Однако некоторые учёные придерживаются иных мнений. Например, Т.В. Шульдешова рассматривает стилистическое значение слова как отдельное лингвистическое явление и указывает, что эмоциональный, оценочный и экспрессивный (усилительный) – это оттенки стилистического значения [20].

В. И. Шаховский подчёркивает, что компоненты коннотации часто комбинируются друг с другом, в результате чего можно выделять эмоционально-экспрессивные, эмоционально-оценочные, экспрессивно-оценочные коннотации. При этом стилистический компонент не включается в эти комбинации, так как, по словам автора, «стилистический компонент облигаторно сопутствует каждой из перечисленных комбинаций» [18]. Это позволяет сделать вывод о том, что стилистический компонент необязательно вычленять наравне с эмоциональным, экспрессивным и оценочным компонентами, так как он в любом случае присутствует в коннотации.

Описание структуры коннотаций, предложенной Т. Ходжаян, также не имеет в себе стилистического компонента. Помимо эмоционального, экспрессивного и оценочного компонентов, автор выделяет такой компонент, как образность, которая усиливает значение слова и добавляет экспрессивность. При чтении мозг формирует соответствующие образы, которые позволяют представить написанное, превратить абстрактное в конкретное. Кроме того, образы влияют на восприятие, результатом этого может стать возникновение коннотативного значения [17, с. 21-34].

Компоненты коннотации, выделенные В. К. Харченко, совпадают с описанием предыдущей точки зрения. Автор указывает, что, согласно концепции А. А. Потебни, при возникновении слово состоит из трёх элементов: внешнего знака (звука), внутреннего знака (представления) и самого значения. Если звук и значение являются неотъемлемыми компонентами, то представление изменчиво и со временем даже может исчезнуть совсем. Если же представление в слове присутствует, то это слово является образным [16]. Образностью можно назвать способность слова вызвать живой образ в сознании реципиента с помощью ассоциации. В. Н. Телия сравнивает функционирование образности в значении слова с кинематографическим явлением – «эффектом Кулешова». Например, реципиент получает сообщение о том, что *X – толстяк / туша / туча / бочка* и т.д. В качестве основного кадра выступает толстый человек, а на него наслаиваются сопутствующие образы туши, тучи, бочки и т.д. Автор пишет, что «механизм возникновения эмоциональной реакции, связанной с восприятием образа, – это наложение образа на информацию о мире» [15, с. 77].

В зависимости от того, какой компонент присутствует в коннотации, предложена ещё одна классификация, принадлежащая Ж. А. Вардзелашвили. Она различает следующие группы слов: 1) собственно экспрессивные слова, в семантической структуре которых преобладают эмоциональный и оценочный компоненты (*чистюля, трудоголик, смельчак*); 2) эмоционально-экспрессивные слова, характеризующиеся эмоциональным, оценочным и стилистическим компонентами (*лодырь, душечка, плут*); 3) стилистически экспрессивные слова, в основе значения которых лежит стилистический компонент, подкреплённый эмоциональным и оценочным (*лик, десница, стяг*); 4) «изобразительные» слова, которые не имеют первичной номинативной базы и не являются семантическими производными современной лексики (*балбес, фифа, олух*); 5) образно-экспрессивные слова, или метафорические номинации. Таким образом, кроме вышеуказанных эмоционального, экспрессивного, оценочного и стилистического компонентов коннотации, автор тоже выделяет образный компонент; кроме того, подчёркивается, что образно-экспрессивные слова зачастую выполняют роль метафор [7].

Итак, образный компонент коннотации связан с ассоциацией, возникающей в сознании при восприятии слова. Основное средство придания образности слову – это его употребление в переносном значении. Кроме того, образность слова лучше всего наблюдается при окказиональном употреблении. Согласно И. Г. Ищенко, наиболее распространёнными

примерами словесной образности в речи являются образные средства языка, или тропы: метафора, метонимия, олицетворение, сравнение, эпитет, гипербола и другие [10]

Таким образом, принимая во внимание все вышеописанные мнения, можно сделать вывод о том, что коннотация состоит из пяти основных компонентов: 1) эмоционального; 2) экспрессивного; 3) оценочного; 4) стилистического; 5) образного. Не каждая коннотация содержит в себе все пять компонентов, они могут варьироваться, комбинироваться, накладываться друг на друга. По причине того, что коннотация – разностороннее, неоднозначное и малоизученное лингвистическое явление, представляется невозможным выделить единую структуру для всех случаев, однако эти пять компонентов, на наш взгляд, наиболее полно описывают общие характеристики коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 276 с.
2. Арнольд, И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения / И. В. Арнольд // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы межвузовской конференции ; отв. ред. В. А. Ильиш. – Л. : 1970. – С. 87-90.
3. Арнольд, И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности / И. В. Арнольд // Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1976. – С. 11-20.
4. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : Учебник для вузов / И. В. Арнольд. – М. : Флинта, Наука, 2007. – 384 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1984. – С. 5-23.
6. Беляева, И. В. Прагматика интеллектуальной оценки / И. В. Беляева // Знание. Понимание. Умение. – Вып. № 4 / 2008. – М. : Московский гуманитарный университет. – С. 163-167.
7. Вардзелашвили, Ж. А. Коннотация и её роль в метафоризации / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии. – Вып. 2. – Тбилиси : ТГУ, 2000. – С. 18-23
8. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

9. Ионова, С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / С. В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 15 с.
10. Ищенко, Н. Г. Образность как компонент коннотации / Н. Г. Ищенко // Наукові записки. Серія «Філологічна». – Вип. 26. – Острог : Національний університет «Острозька академія», 2012. – С. 121-128.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол. : В.Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
12. Маслова, В. А. Параметры экспрессивности текста / В. А. Маслова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва : Наука, 1991 – С. 179–204.
13. Рожнова, Е. А. Некоторые аспекты эмоционально-экспрессивной лексики английского языка / Е. А. Рожнова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : ООО Издательство «Грамота». – №9. – 2012. – С. 175-177.
14. Сысоева, Т. А. Языковые средства реализации стратегий воздействия в текстах малого объёма (на материале англоязычной периодики): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Сысоева. – Минск, 2007. – 147 л.
15. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц // В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 141 с.
16. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66-71.
17. Ходжаян, Т. Р. Коннотативные особенности цветообозначений в современном немецком языке / Т. Р. Ходжаян. – Ереван : Лингва, 2004. – 117 с.
18. Шаховский, В. И. К типологии коннотации / В. И. Шаховский // Аспекты лексического значения ; редкол.: З. Д. Попова (науч. ред.) [и др.]. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1982. – С. 29-34.
19. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания : учебное пособие к спецкурсу / В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. пед. ин-та, 1983. – 94 с.
20. Шульдешова, Т. В. К проблеме понятия «стилистическое значение» / Т. В. Шульдешова // Проблемы лингвистического анализа текста ; редкол.: О. К. Денисова (отв. ред.) [и др.]. – Иркутск : Иркутский государственный педагогический институт, 1980. – С. 43-51.
21. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – 470 с.

Аннотация

Статья посвящена проблемам изучения коннотаций, в частности, их структурных компонентов. Коннотации не только позволяют более точно высказать точку зрения, но и выразить отношение к описываемым событиям и даже передать психологическое состояние. В связи с этим автор делает вывод о том, что существуют такие структурные компоненты коннотации, как эмоциональный, экспрессивный, оценочный, стилистический и образный. Все компоненты могут не присутствовать одновременно в одной коннотации; кроме того, они могут варьироваться и комбинироваться друг с другом, соответственно, границы их, как правило, размыты.

Summary

The article is devoted to the problems of studying connotation and, in particular, its structural components. Connotations contribute not only to a more precise stating of a viewpoint, but also to expressing the attitude to the described events and even the psychological state. As a result, the author makes the conclusion about the following structural components of connotations: emotional, expressive, evaluative, stylistic and imaginative. All the components are not necessarily included in one connotation simultaneously. They can vary and combine with each other, thus the bounds between them are vague.